

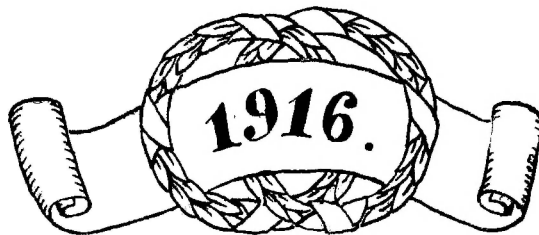
1916

Февраль.

РУДИНЪ

№ 5.

Е.П

Цѣна 20 к. На ст. жел. дор. и въ провинціи 25 к.

СО Д Е Р Ж А Н І Е:

<p>ДМИТРИЙ МАЙЗЕЛЬСЪ . . . Въ негритянскомъ кафэ (сонетъ)</p> <p>ДИМ. КРАЧКОВСКІЙ . . . Цвѣты подъ снѣгомъ (разсказъ)</p> <p>АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВЪ . Извозчикъ (стихотв.)</p> <p>НИКОЛАЙ ЛАВРОВЪ . . . Роковая женщина (разсказъ)</p> <p>ДМИТРИЙ МАЙЗЕЛЬСЪ . . Американскій курортъ (сонетъ)</p> <p>М. А. РЕЙСНЕРЪ Азбука гражданственности (памфлетъ)</p>	<p>ЛАРИСА РЕЙСНЕРЪ . . . Пѣсня красныхъ кровавыхъ шариковъ (стихотв.)</p> <p>М. ЛАРИНЪ Свинья (сатира)</p> <p>СОФЬЯ ЗАРЪЧНАЯ . . . * * (стих.)</p> <p>ВЛАДИМИРЪ ЗЛОБИНЪ . Венеція (сонетъ)</p> <p>И. СМІРНОВЪ О выѣденномъ яйцѣ (шаржъ)</p> <p>Е. НИМАНДЪ Русскій Дикарь (замѣтка)</p> <p>А. Д. ТОПИКОВЪ Библиографія</p>
--	---

ОБЛОЖКА РАБОТЫ . . . Е. Праведникова.
 КАРРИКАТУРЫ А. Д. Топикова.
 ЗАСТАВКИ и РИСУНКИ . С. Н. Грузенберга, Е. Праведникова, Н. Струнке и М. Гейтманъ.

ПОКРОВСКІЕ

Англійскій, 41,
уг. Садовой.

ОСНОВАНЫ въ 1904 году.

КУРСЫ

(Вечери. и дневн.) ПОДГОТОВ. и ОБЩЕОБРАЗОВ. для лицъ обоего пола.

Открытъ пріемъ на 1916 годъ во всѣ классы (мужск. и женск.). Преподаватели Петрогр. гимназій и реальн. училищъ готовятъ къ экзаменамъ, на аттестатъ зрѣлости, за 7, 6 и 4 кл. муж. и жен. гимн. и реальн. учил., нач. уч., кл. чинъ.

Спец. ускор. курсъ на вольноопр. I и II разр.; курсъ кажд. класса гимназій проход. въ уч. полугодіе.—Отдѣльные женскіе классы.

Возрастъ не ограниченъ. Допускается взносъ платы частями.

Справки и проспекты ПРОГРАММЫ ко всѣмъ экзаменамъ бесплатно.

Въ КАНЦЕЛЯРИИ ежедневно 12—2 ч. и 5—9.

ДМИТРИЙ МАЙЗЕЛЬСЬ.

Въ негритянскомъ кафэ.

Сонетъ.

Въ угарѣ пьяномъ ночь подобна мигу,
 Безвольно-дикъ властительный развратъ.
 Въ ботинкахъ лакированныхъ мулатъ
 Подъ грохотъ барабана пляшетъ джигу.

Осколки визговъ, хохотъ, звонъ кимваловъ...
 Весь торгъ любви — кивокъ, вино, кон-
 трактъ;

Бурлить рояль, качаются подъ тактъ
 За столиками внучки канибаловъ,

Подъ черной кожей страсти ярко губы,
 И жадны оттопыренные губы,
 Притупленъ знойный взглядъ, и гибокъ
 станъ.

Темпъ „Регъ-Таймъ“ прыгаетъ, обвилась
 пары,

И похоти уродливыя чары
 Мутить зловонно-бѣшенный канканъ.

ماہنامہ

Н. Струве.

ДИМ. КРАЧКОВСКИЙ.

Цвѣты подъ снѣгомъ.

27 іюня. Я только что купался въ рѣкѣ. Чудесный сегодня день. Небо—сапфировая эмаль, сапфировыя капли струятся на зелень и, право, душно отъ этого множества синяго и зеленого. Какъ хорошо!

Сегодня день ангела моей жены. Я послалъ ей телеграмму:—поздравляю, будь здорова, цѣлую и еще. Раньше, когда-то—такія телеграммы были очень нѣжныя и очень длинныя. Сегодня я обиженъ... Чѣмъ-то неяснымъ, но что такъ тайно и такъ глубоко живетъ и питается. Питается! Какъ ищейки, мы—люди—жаждемъ сердца, мы жаждемъ всего сердца, а у сердца своя жизнь. И мы уже ненавидимъ эту свою жизнь любимого сердца. Мы уже снова—одни.

Скорѣе нужно приниматься за дѣло. Съ дѣломъ легче, да и отъ людей подалше.

18 іюля. Жена снова со мною. Мы—вмѣстѣ. Я могу цѣловать ея руки, я могу смотрѣть въ ея глаза. И я люблюсь ею—всегда, всегда.

Но въ душѣ такъ гадко, такъ темно. Почему, почему?

Застрѣлился врачъ въ Москвѣ. Все ждалъ какого-то паралича и не выдержалъ этого ожиданія. Этотъ врачъ... Я думалъ о немъ сегодня много, но не онъ, не онъ. Новая работа, новое дѣло. Эти дѣла строятся всегда такъ мучительно. Но, нѣтъ, нѣтъ. Что-же, что-же? И прежде разъ въ недѣлку бывало это же, я спрашивалъ, но не отвѣчалъ, такъ оно и уходило. А теперь не уходитъ... Или же... 18-е іюля—т. е.—конецъ іюля, скоро августъ и—не моя зима. Здѣсь въ августѣ уже осень, словно конецъ концовъ. Вотъ и грустно.

22 іюля. Я воюю, мои снаряды потрясаютъ воздухъ и съ бѣшенствомъ разрываются. Я публикую свои мысли, и чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше слѣпыхъ совь, которыя кричатъ:—назадъ! А я рассказываю имъ слѣдующее:

Сознательно-подлый поступокъ. Мой другъ совершилъ сознательно-подлый поступокъ. Онъ совершилъ его такимъ образомъ. Во-первыхъ, призналъ, что все существующее на землѣ—прекрасно. Во-вторыхъ, повѣрилъ всѣмъ философамъ. Въ третьихъ, началъ уповать на Господа Бога. И въ четвертыхъ, женился на mademoiselle N. Обезпечивъ себя всѣми этими добродѣтелями, онъ совершилъ сознательно-подлый поступокъ, и лучшіе люди государства признали его своимъ.

О критикахъ. Критикъ У. сказалъ:—писатель Ж. не умѣетъ мыслить синтетически.—Т. е.? спросилъ писатель Ж.—Т. е.—отвѣтилъ критикъ У.—произведенія г. Ж. лишены синтеза.—Глубокомысленно!—подумалъ писатель Ж. и—задумался. Онъ думалъ четыре дня и четыре ночи и кончилъ тѣмъ, что началъ писать синтетически. И, когда написалъ,—пришелъ нѣкто и повѣсилъ на синтетическомъ произведеніи г. Ж. свой топоръ. Этотъ топоръ виситъ по сей самый день, въ чемъ можетъ убѣдиться каждый любопытный.

Еще о критикахъ. Критикъ X. не любилъ провѣтривать форточекъ въ своемъ кабинетѣ. Но, однажды, жена критика все-же открыла форточку, обезпеченная тревогами о здоровіи мужа. Въ форточку влетѣла птица, и надо сказать правду—птица совершенно крошечная. Когда критикъ вошелъ въ кабинетъ—онъ до смерти былъ перепуганъ присутствіемъ въ комнатѣ неизвѣстнаго существа.

— Жена!—закричалъ онъ,—здѣсь жирафъ!—и безъ чувствъ упалъ въ объятія сердобольной супруги.

Уходящій корабль. Корабль уходитъ отъ береговъ Стараго Свѣта къ берегамъ Новаго. Какъ прекрасно путешествіе! И—волны, и—чайки. Берега уходятъ все дальше и дальше, и—и нѣтъ уже береговъ. А на кораблѣ все тоже: тѣ-же люди, тѣ-же котлеты, тѣ-же занавѣски, а въ 12 часовъ всѣ спятъ. Бѣдная луна.

Съ ногъ до головы я закованъ въ свои мысли. Многіе знакомые перестали меня узнавать.

1 августа. Часъ тому назадъ я разбилъ о косякъ двери хрустальную вазу. Эту вазу я подарилъ женѣ въ О.—тамъ мы вѣнчались.

— У. меня нѣтъ больше мыслей! кричалъ я, у меня нѣтъ больше мыслей,—и бѣгалъ изъ угла въ уголъ.

— Я не прощу тебѣ эту вазу, сказала жена.— Ты разбилъ мое сердце.

Весь день мы не глядѣли другъ на друга. Теперь ночь. 12 часовъ.

3 августа. Мы идемъ въ театръ смотрѣть какую-то пьесу.

— Позволь помочь тебѣ, сказалъ я тихо. Жена склонилась ко мнѣ. Она глубоко и жарко дышала. Въ темной передней мы прижались другъ къ другу и цѣловались, какъ влюбленные.

5 августа. Еще нѣсколько дней настоящаго лѣта.

Середина августа—уже не лѣто. Августъ—вертюра осени, потомъ—вспоминанія и—зима. Зима это—куръезъ вселенной и, кто, кто создалъ наши розовато-бѣдыя тѣла.

Можетъ быть, уже не наступить новое лѣто. Вѣдь, всѣ мы ходимъ подѣ Богомъ; случайно, я вспомнилъ эту истину. Истина скользила мимо моихъ ушей и не залетала. А теперь залетѣла и—застрѣла. Поживемъ и съ нею. Мало-ли съ какими истинами намъ приходится коротать нашъ вѣкъ.

И вотъ, еще истина:—я почти готовъ къ смерти. Осталось продумать послѣднюю малость.

Этакіе это пустяки.

6 августа. Но вѣдь я ее люблю. Я умираю отъ любви. А—она...

10 августа. Вчера мы оба проснулись въ три часа ночи, словно кто-то разбудилъ насъ.

— Ты не спишь? спросилъ я.

— Нѣтъ. Ты тоже не спишь? —и она приподнялась и сѣла на постели.

Всю ночь жена рассказывала мнѣ о себѣ. Ея рассказъ былъ святой и благоуханный. Она открывала мнѣ давно—открытое, но ея рассказъ звучалъ, какъ пророчество, я видалъ обнаженную чудесную душу, я слышалъ исповѣдь женской души.

— Прости меня, сказалъ я,—прости.

Она цѣловала мои волосы, руки и рыдала.

19 августа. У насъ гости—тетка жены. Она называетъ меня—самонадѣяннѣмъ и, видно, ей не нравится, что я такъ много и такъ упрямо рассказываю о свободомысліи. Съ женою они часто шепчутся весь вечеръ.

21 августа. Жена сегодня сказала:—ты неправъ какъ всѣ мужчины.

Я—остолбенѣлъ.

28 августа. Весь вечеръ мы проводимъ—вдвоемъ. Мы наслаждаемся нашей близостью.—Она завтра уѣдетъ!—расхоталась жена.—Я кивнулъ головою.

2 сентября. Конечно, конечно, воскликнула жена,—ты думаешь только о себѣ.

— Я думаю о людяхъ.

— Ты пренебрегаешь мною.

— Я люблю тебя.

А я вотъ не знаю—люблю-ли, прошептала она. Ея глаза стали зелеными.

Они первый разъ стали зелеными.

Я бросился въ свою комнату. Тамъ жужжалъ и вертѣлся, вертѣлся вентиляторъ.

10 сентября. Я писалъ:

О женщинахъ. Вы схватываете ножъ и убиваете женщину.—Пощади,—кричитъ она и цѣлуетъ ваши руки. Вы отталкиваете ее и наносите послѣдній ударъ. Будь ты прокляты! восклицаетъ она и—умираетъ.

17 сентября. Мы не говоримъ другъ съ другомъ всю недѣлю. Мы даже не уважаемъ одинъ другого, мы презираемъ. Когда она смотритъ на меня, мнѣ кажется, она молча говоритъ:—я все выдумала, я всегда знала, какой ты.

Я опускаю глаза.

20 сентября. Нѣтъ листьевъ. Уже... уже—зима. Ясно: я—безумецъ. Мозгъ мой во единое мгновение, которому суждено сейчасъ же погибнуть, строить какія-то пасторали, видитъ близкихъ своихъ въ какихъ-то мирныхъ голубыхъ одеждахъ, разговариваетъ со стѣнами и лѣзетъ въ игольное ушко. Тѣсно мнѣ тамъ, такъ тѣсно.

Отчего я не родился садовникомъ или межевымъ чиновникомъ? Отчего?

5 октября. Зима. На моемъ столѣ три красныхъ гвоздики. Ихъ поставила жена. Снова сегодня мы говорили съ нею всю ночь.

Я слышалъ, какъ пѣли пѣтухи.

И когда они пропѣли, я почувствовалъ свое одиночество.

— Почему ты замолчалъ? спросила жена.—Я люблю тебя.

Я не отвѣтилъ.

30 декабря. Я писалъ:

О женщинахъ

Потомъ писалъ о народѣ, о землепашцахъ, о солдатахъ и полководцахъ.

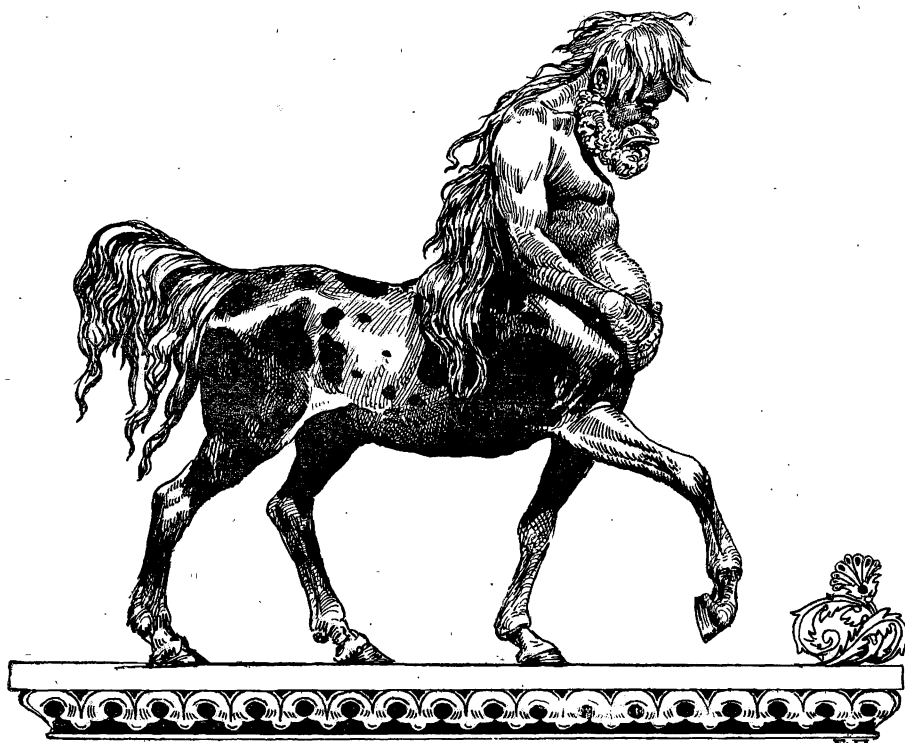
Въ клѣткѣ щебетала птица.

А въ саду бѣлый пушистый снѣгъ покрывалъ мои лѣтніе цвѣты, и въ розовыхъ чашечкахъ и колокольчикахъ прятались зимніе серебристые зльфы.

Дим. Крачковскій.

مشوق

АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВЪ.

Извозчикъ.

Рыжебородый, неуклюжій,
Глаза—видалъ-ли голубѣй—
Ядрень, укушенъ зимней стужей,
Извозчикъ вышелъ изъ саней.

Морозной щелкнулъ рукавицей
И вперевалку, длиннополъ,
Медлительный и краснолицый,
Въ трактиръ облупленный вошелъ.

Тамъ, предъ зазубреннымъ приборомъ
Неторопливый вывелъ крестъ,
Взмахнулъ растрепаннымъ проборомъ,
Засѣлъ—и тяжекъ былъ присѣсть.

Допивъ положенную пару,
Безъ шапки, кумача краснѣй,
Вдругъ вылѣзъ, облако угаръ
Пустивъ изъ визгнувшихъ дверей.

НИКОЛАИ ЛАВРОВЪ.

Роковая женщина.

Мы видѣли эту пару въ паркѣ очень часто.
Она насъ очаровала даже издали. Казалось, нельзя
было не полюбить эту „москвичку“, какъ успѣли
прозвать спутницу гулявшаго каждый день кавалера.

Въ нашу сторону она почти не глядѣла, была
не красива, но почему-то очаровательна, и мы всѣ
ловили ея взоръ.

Кавалеръ былъ для нея чѣмъ-то необходимымъ,
но навѣрно—ни мужемъ, ни другомъ—это было
ясно:—думается, что онъ былъ ридикюлемъ, безъ
котораго дамы не дѣлаютъ шага.

Насъ было тогда четверо. И всѣ порядочные
Износковы—шутили мы надъ собою по фамиліи
одного изъ насъ.

— Развѣ неправда? А? Когда пьешь по кур-
портамъ водичку, лудишь желудокъ, поправляешь
печенку, почки, то, позвольте спросить: развѣ не
изношенъ, поношенъ, а иногда и переносенъ?

И въ такое-то время, когда ничего нельзя дѣ-
лать, всѣмъ привычкамъ положенъ конецъ, ходишь
какъ муха въ сметанѣ, жарко какъ на банномъ
полкѣ—что остается дѣлать? Злословить съ това-
рищами, да ухаживать. Но ухаживать съ рома-
нами, съ приключеніями, такъ, чтобъ всякую жару
выгнать, инеемъ покрыться, морозъ по кожѣ по-
шелъ—вотъ какъ. И вотъ попадается эта пара...

Ну о немъ многого не скажешь:—не то венгръ,
чехъ, а можетъ быть и полякъ.

Я думаю, что мы могли-бы цѣлый курсъ отбыть,
кончить свои воды и никогда-бъ не познакомиться
съ „москвичкою“, если-бъ не представился для
меня случай.

Случай, котораго всѣ такъ жаждали. Сколько
аллей перетоптали, желая встрѣтить ее одну. Но
время шло, пили воду, вѣсили свое тѣло, сходи-
лись, расходились злыми, опять сходились, видѣли

ее, дѣлали гримасы, подмигивали, острили, а сойдясь вновь безъ желанія, разговаривали опять о ней.

Наконецъ желаніе перешло у нѣкоторыхъ въ озлобленіе.

— Авантюристка какая-то. Золотая ручка. Просто московская хипесница. Хотя, повидимому, любить она умѣетъ сильно...

Послѣднее какъ-то замерло, оборвалось и было какой-то правдой, которую про себя всѣ признали.

Я не досмотрѣлъ, какъ измѣнялись мнѣнія среди насъ, но потомъ, послѣ, мнѣ все стало объясняться.

Пришла она къ вечеру въ кофейную, неизмѣнно, съ кавалеромъ. Съѣла въ противоположномъ концѣ отъ насъ.

Жаркій былъ вечерокъ. Мы всѣ курили, молчали, оглядывали проходившихъ и не знали, чѣмъ занять свои мозги.

О москвичкѣ все было переговорено, даже всѣ ессентукскія дамы были нами провѣрены — не братья-же за кавалеровъ.

Венгерецъ и москвичка пили свое молоко, и мы не обращали вниманія — только тайкомъ бросали въ ихъ сторону свои взоры.

Попробоваль я пройтись на новую тему замѣны минеральныхъ водъ потными, при кавказской жарѣ, но мои потуги не удались. Я почувствовалъ злбу и всталъ.

— Пойду, сказалъ я, что-то печенка...

— Чегожь такъ рано?

— Хочу завтра поѣхать въ Пятигорскъ, сказалъ я громко, чтобъ меня услышали.—Въ шесть часовъ напьюсь водички и на цѣлый день махну.

На водѣ утромъ только глухая провинція: богатый лавочникъ; членъ суда съ зонтикомъ и въ калошахъ, страдающій печенью; въ синихъ очкахъ чиновникъ акциза, вездѣ видящій прѣстуду и отовсюду ее получающій; нѣсколько пожилыхъ дамъ съ собачкой, можетъ быть попадьи, а можетъ быть тещи, у которыхъ дочери за богатыми—замужемъ. Словомъ, въ это время нѣтъ большой курсовой публики,—а *эти* стараются не замѣчать другъ друга и ничего кромѣ своихъ болѣзней и докторовъ...

Иду на водопой, звоню кружкой—все не мило: языкъ—точно для него никогда не было ничего вкуснаго, и кромѣ желчи ничего не пробоваль. Взялъ воды, подхожу къ грѣлкѣ.

Вокругъ меня матроны, которыхъ я не замѣчаю и тискаю свой стаканъ. Чья-то нѣжная рука съ тонкимъ браслетомъ и кольцами, протягивается колу.

— Мать Пресвятая Богородица! Она, москвичка, баеся.

Наконецъ мы можемъ познакомиться. Столько дней прошло, а вы были всегда въ компаніи вашихъ...

Она запнулась, незная, какъ назвать.

— И вы, спѣшу я оправдаться, тоже всегда въ компаніи.

Мы медленно отошли, я позабылъ, что мнѣ далеко за 50-тъ. Куда дѣвалась желчь. Какъ мила стала обстановка: Эльбрусъ вдали, духъ княжны Мери и Лермонтова овладѣли мною, и все, все до послѣдней мелочи мнѣ стало мило. Фонъ бѣлыхъ стѣнъ, источники, плитная площадка и она со мною прихлебывающая воду. Стелянная кружка въ ея рукѣ, перевязанная розовой ленточкой, и трубка, черезъ которую она медленно тянула воду, какая поэзія, какой восторгъ объялъ меня.

Мнѣ показалось, что она въ эту минуту создана, чтобъ изображать богиню водъ. Нельзя было ничего вообразить изящнѣе ея.

— Въ чемъ-же красота ея? Лицо не красиво? Аа! Красота въ формахъ? Да но... не въ этомъ... А!.. линіи, контуръ линій, пропорція тѣней... Нѣтъ я запутался... Но какъ я былъ упоенъ, какъ я наслаждался этимъ милымъ обращеніемъ со мною, тогда какъ тѣ сидятъ тамъ и не думаютъ до чего я успѣлъ. Ха, ха!

— Такъ вы Осмолова, какъ вы сказали? Такъ вы богачка?

— Да, но я давно разошлась съ мужемъ. Да и вообще я три раза была замужемъ. Бойтесь меня—я роковая женщина. Всѣ, кто былъ со мною даже только знакомъ—пострадалъ. Всѣ раззорялись, умирали, плохо кончали... Доставалось и мнѣ, прибавила она хохоча и печально улыбаясь.

Наши взгляды впервые въ упоръ столкнулись и она меня приковала.

— Роковая, думаль я, пусть и будетъ. Нѣтъ, блаженство такъ велико, что е ли-бъ за мигъ...

— Готовъ испытать ваши роковыя чары. Противъ меня они будутъ безсильны.

— Попробуйте.

— Такъ рѣшено, какъ юноша вскричалъ я, ѣдемъ на цѣлый день, да? Въ Долину очарованья!..

И мы разстались. Но не успѣлъ я пройти и ста саженой, какъ изъ такого чуднаго настроенія я шлепнулся въ преисподнюю страданія. У меня урчало въ желудкѣ. Вода и подогрѣтая, такъ рано выпитая, возымѣла дѣйствіе...

Пробоваль для успокоенія присѣсть на тротуарную тумбу. Еще хуже...

Мой бѣлый лѣтній костюмъ! Пришлось бѣжаты! Вотъ и начало роковой женщины, соображалъ я, и въ это время изъ за угла пріятеля.

— Аа! Откуда? Куда?

Но я бѣгу и только успѣлъ рукой махнуть.

Наконецъ мы мчимся на тройкѣ съ Осмоловой. Принятые капли меня успокоили, и отъ болей не осталось слѣда.

Солнце теперь опять мой врагъ—палитъ меня беспощадно. Сальцо моего брюшка, котораго воды не смогли согнать, совсѣмъ топится, и поѣздка опять омрачена.

Однако я стараюсь быть живымъ и рѣзвымъ.

— Развѣ вы всегда такая холодная! Вы, кажется, сдерживаете вашу страсть, а между тѣмъ, какъ надо пользоваться жизнью... Какъ она уходитъ... Какъ скоро становятся люди глухими ко всякому току жизни.

— Вижу, что все не то говорю. Поискалъ въ себѣ хотѣнья и ничего не нашель. Какая досада. Унылый замолчалъ. Опять все оборвалось.

Вдругъ Осмолова точно испугалась моего охлажденія—погаснетъ, подумала, искра.

Приблизилась, красиво заломила руки, точно обводила ими кругъ по воздуху. Мнѣ стало теплѣе, пробѣжала искорка по нервамъ и согнала облачко, но хотѣлось не того.

Мнѣ нужно ея предпочтенія на глазахъ пріятелей. Это разожгло-бы меня. Ихъ злобой напрягу свою страсть, подумаль я.

Пріѣхали. Тутъ она удвоила свои ласки.

Ну, что мой нескладный—иначе не называла она меня, и мы боролись изъ за поцѣлуя, котораго мнѣ не удавалось получить.

Но вотъ подставилась шейка и я поймалъ ея. И мнѣ показалось...

— Что, что, чего испугался? Увидѣлъ ожоги.— Эхъ, нескладный. Что-жъ удивительнаго, я же сказала, что роковая.

Элотъ задоръ и богатая, съ похождениями жизнь, какъ это интересно. Да это не та женщина, что родить каждый годъ дѣтей и тѣмъ исполняетъ свое назначеніе.

Сколько мужчинъ билось изъ за нея. А она обдала меня такимъ взглядомъ съ улыбкою, что стало жутко.

Чувства мѣнялись, и я переходилъ отъ страсти къ равнодушію легко.

Южное солнце безжалостно палило, а она, надушенная, точно ничего не испытывала, ни на что не обращала вниманія и только глотала ледъ.

Можно было бояться, что мы замерзнемъ, столько было съѣдено льду и мороженого.

Я сдѣлалъ надъ собою усиліе и обнялъ ее. Потихоньку она освободилась, проговорила, указавъ:

Тамъ, у меня, къ вечерку, когда приѣдемъ...

Я самъ былъ радъ этому. Готовилось блаженство, которое рѣдко бываетъ.

Венгерца нѣтъ дома, и уютная комнатка москвички.— Что можетъ быть красивѣе. Нѣтъ господина износковы, это не шаблонныя амурныя дѣла: здѣсь грязи и сала нѣтъ. Это одна поэзія и красота. Красота дѣйствительно красота во всемъ. Какой я великій эстетъ, подумалъ я. И съ удовольствіемъ сказалъ ей.

— Не правда-ли, есть люди, съ которыми, если сходишься, то только по родству души. Гдѣ-то у Бога записано, что вотъ такой-то и такая-то могутъ другъ другу понравиться, а не иначе. Не правда-ли, только такъ и бываетъ. Вѣдь не бѣда, что у меня съдые баки, а вамъ 28 лѣтъ. Это намъ такъ кажется, что мы все сами дѣлаемъ. Насъ влечетъ помимо нашего желанія.

Ничего не отвѣтивъ—она погладила своей атласной ладонью по моему лицу, и опять я почувствовалъ удовольствіе, какое бываетъ передъ сномъ.

Но, вдругъ, я вспомнилъ, какъ приуныли послѣднее время о москвичкѣ пріятели. Это навѣрное отъ безнадежныхъ желаній. Ха, ха, ха! Мышинные жеребчики—не для васъ счастье. Но лишь много потомъ я разгадалъ причину.

Возвратились еще не поздно. Около 10-ти часовъ.

— Можетъ быть, Сигизмундъ Генриховичъ будетъ дома, предупредила она, такъ... вѣдь, онъ у себя. Меня нельзя стѣснять, не правда-ли? Я чловѣкъ свободный отъ всего и отъ всѣхъ, неестественно вскрикнула она, входя въ переднюю.

Въ окнѣ мнѣ показалось—кто-то промелькнулъ.

— Да, да, съ неприятностью уже, вторилъ я—свободная и роковая птица. Ужъ не гамаюнъ-ли?

— Говорила вамъ, бойтесь, а вы храбритесь—думаете, женщина слабое существо.

Но въ прихожей уже чувствовалось присутствіе мужчины. Не располагало оставаться, и я опять охладѣлъ. Скатилась вся идеализація, и я готовъ былъ ударъ, хоть черезъ окно.

Она покаяно ввела меня въ свою комнату. И какой рай сразу мнѣ открылся. Этотъ ароматъ, эти нѣжныя кружева, столъ съ зеркаломъ... Какъ тутъ могла-бы отдохнуть душа. А она слѣдила за мной и подмѣтивъ во мнѣ перемѣну—усилила чары.

Вотъ она сѣла за пьянино и понесли лихія пѣсни. Не было смысла въ словахъ, но звуки, какъ электрическіе провода звинчивали нервы.

— Пѣсни изъ Яра—сказалъ я?

— Да послѣднія шато-кабацкія.

Я увлекся теперь ея будуаромъ:—сколько вкуса. Нѣтъ ничего мѣщанскаго и сколько таланта. Въ чемъ онъ здѣсь проявился, я не зналъ, но если-бы я вошелъ сюда безъ нея, я-бы опредѣлилъ, кто его обладательница.

И клянусь своими годами, что не было-бы чловѣка, устоявшаго передъ ней въ этой обстановкѣ.

Вдругъ, за перегородкой кто-то икнулъ. Она такъ искренно расхохоталась, что я улыбнулся и успокоился...

— Возвратился Сигизмундъ Генриховичъ, его обычный салютъ.

— И противный—вырвалось у меня.

— Что это—ревность?

— Ничуть, но я не понимаю, какъ можно любить такихъ...

— Это вопросъ—перебила она. Любить,—много сказано.—Не зная многого, не слѣдуетъ дѣлать выводовъ изъ собственной... и она указала на голову.

— Не изъ чужой же...

— Однако, какъ здѣсь душно... и духи хотя очень пріятные, но хочется свѣжаго воздуха.

— Вотъ въ томъ-то и бѣда, что здѣсь ни одной форточки, но тыними съ себя—тебѣ жарко..

— Ахъ, да, спасибо,—и я зашелъ за ширмы, цѣдя черезъ зубы:—„изъ этого гнѣзда я не намѣренъ выходить ранѣе утра“.

— Посмотримъ—подхватила она. А что потомъ скажутъ товарищи обо мнѣ?

— Все вздоръ!..

— Я на минутку выйду. И она пошла передѣйся.

По мѣрѣ того, какъ я снималъ съ себя платье, я чувствовалъ приливъ большой тяжести. Истома и желаніе спать потопило всѣ мои страсти и хотѣніе. Но я боролся, и когда черезъ нѣсколько минутъ она вошла, я вялымъ языкомъ сказалъ:

— На меня видимо подѣйствовалъ горный воздухъ, меня ужасно тянетъ спать.

— Да—удивилась она.

И пренебреженіе, самое обидное для моего самолюбія, скользнуло у нея въ губахъ. Я сдѣлалъ надъ собою почти насиліе и сталъ энергично освобождаться отъ всѣхъ на мнѣ вещей.

Однако, привычка многихъ годовъ прежде всего заставила меня вынуть и вымыть вставныя челюсти, потомъ я раздумывалъ, какъ обойтись безъ ночной сорочки, потомъ помню, что началъ снимать галстухъ, но тутъ всѣ члены онѣмѣли, и я свалился на кровать, какъ пластъ, объятый сномъ.

Повидимому я ни минуты не проспалъ, такъ какъ началъ просыпаться отъ смѣха, но какого! Что это былъ за смѣхъ. Хохотали уже въ двѣ глотки. Сатана-бы не могъ такъ хохотать.

— Посмотри, Сигизмундъ Генриховичъ—говорила она, когда я чуть не въ обморокъ поднялся, посмотри вотъ и четвертый, послѣдній кончилъ мой романъ.

Онъ только смѣялся, изображая статиста.

— Эхъ, старая жаба, какъ выдохся скоро, а вѣдь тоже пожалуй пойдешь потомъ хвастать побѣдами надъ Осмоловой.

Одуреніе сна съ меня не сходило, и я не чувствовалъ боли отъ ея бичеванія.

Знай-же, другъ мой, что Осмолову еще никто не могъ любить, не смотря на то, что она была за тремя мужьями.

— Правду-ли говорю?—Обратилась она къ своему кавалеру.

— Готовъ покаяться въ этомъ—заявилъ съ акцентомъ Сигизмундъ.

М. А. РЕЙСНЕРЪ.

Азбука гражданственности, въ разумѣ нижегородскаго ученія составленная.

В. Что есть азбука гражданственности?

О. Въ отличіе отъ церковнаго есть свѣтское наставленіе, преподаваемое всякому гражданину для обнаруженія его добродѣтели и спасенія отечества.

В. Кто есть гражданинъ?

О. Всякое лицо, законнымъ видомъ на жительство обладающее.

В. Относится-ли это также къ евреямъ?

О. Отнюдь нѣтъ. Такъ какъ хотя видъ имѣютъ, но жительство не обладаютъ. Для нихъ особо установлена процентная норма.

В. Что есть процентная норма?

О. Исчисленіе на сто. Къ населенію христіанскому, магометанскому и языческому сія норма прибивляется.

В. Что сіе обозначаетъ?

О. Сіе есть тайна.

В. Что нужно для обнаруженія добродѣтели и спасенія отечества?

О. Смиреніе, усердіе и духовное убѣжденіе.

В. Почему нужно смиреніе во первыхъ?

О. Потому-что, какъ свидѣтельствуесть Бодинусъ: „Безъ смиренія не бываетъ почтенія“. Такъ-же говорить и Макіавеллій: „Смиренаго истязуй!“

В. Что есть смиреніе?

О. Сіе можно изъяснить примѣромъ. Когда царь Иродъ повелѣлъ предать младенцевъ іудейскихъ избіенію, то однѣ матери въ изступленіи вопіяли, другія-же радостно оныхъ начальству на истребленіе предоставили. Посему о послѣднихъ и говоритъ Іосифъ Флавій: „Во смиреніи погромляемы“.

В. Откуда почерпается ученіе о смиреніи?

О. Изъ теоріи и практики.

В. Въ какомъ разумѣ приимется теорія?

О. Въ твореніяхъ Плато, Аристотелеса, Цицеро, Аугустинуса, Макіавеллія, Бодинуса, Гоббезія и иныхъ, въ строительствѣ гражданскомъ испытанныхъ мужей. Но поелику не всѣ человѣки способны непосредственно воспріяты сіе спасительное ученіе, установлены отъ начальства статскіе совѣтники, которые передаютъ оное всѣмъ чело-вѣкамъ, желающимъ принять оное.

В. Достаточно-ли одной теоріи?

О. Отнюдь нѣтъ. Сіе познаніе несовершенно и недостаточно. Чему имѣемъ неопровержимое свидѣтельство. Ибо, написавъ на кордегардіи „свобода, равенство и братство“, Бонапартій сказалъ: „розгою свобода воспісуется“. Такжеде и Бисмаркъ: „не разумомъ, но десницею“ и еще „за битаго двухъ небитыхъ даютъ“.

В. Гдѣ познается смиреніе на практикѣ?

О. Въ участкѣ.

В. Сколько видовъ смиренія?

О. Три: 1) на тѣлѣ, 2) на имѣніи, 3) на душѣ.

В. Что должно претерпѣвать на тѣлѣ?

О. Оплеваніе. Заушаніе. За шиворотъ хватаніе. Замерзаніе. Во хвостѣ стояніе. На трамваяхъ вѣсніе. Въ темную сажаніе. Скулодробленіе. Переселеніе.

В. Что должно претерпѣвать на имѣніи?

О. Лихоиманіе. Обираніе. Маргаринояденіе. Гододаніе. На биржѣ играніе. Семи шкуръ сдираніе. Мздоимство.

В. Что должно претерпѣвать на душѣ?

О. Праздноболтаніе. Оклеветаніе. Въ душахъ читаніе. Сквернословіе. Облыганіе. Униженіе. Дразненіе. Надругательство.

В. Что есть усердіе?

О. Тайнственное дѣйствіе души и тѣла, коимъ обнаруживается непреклонная приверженность къ властямъ предержавшимъ. Какъ сказалъ графъ Дракчеевъ: „преданъ безъ лести“, или Кукольникъ: „прикажутъ, акушеромъ буду“.

В. Въ чемъ усердіе выразится?

О. Въ исполненіи указаній начальства и оныхъ предъугаданіи.

В. Какъ сіи указанія познаются?

О. Изъ словъ, а также дѣйствій символическихъ.

В. Возможно-ли гражданину, не только познавать указанія властей, но еще оныя предугадывать?

О. Безъ таинственнаго дѣйствія усердія невозможно. Ибо гражданинъ, будучи отъ рожденія немысленъ, и своеволенъ, и упрямъ, къ познанію истины неспособенъ. Какъ сказано у Гоббезія: „его бьютъ, а онъ ничего не понимаетъ“. Но будучи просвѣщенъ усердіемъ чело-вѣкъ чудесно преобразяется: какъ говоритъ Деламаръ: „усердіемъ поощряемъ, безъ мыла подобно медицинской трубкѣ въ сокровеннѣйшія нѣдра проникать можетъ“. А тѣмъ паче въ предначертанія.

В. Какъ далеко можетъ простираться усердіе?

О. До предѣловъ, отъ властей установленныхъ. Сверхъ сего усердіе строго запрещается. Какъ пишетъ Монтекию: „услужливый дуракъ опаснѣе врага“.

В. Какія дѣйствія симъ правиломъ запрещаются?

О. 1) Сованіе носа въ дѣла государственныя. Подъ симъ разумѣтся лицемѣрное споспѣшествованіе благо общему, подъ видомъ коего скрывается желаніе всеобщаго ниспроверженія.

2) Ложное отечестволюбіе. Когда изъ побужденій патріотическихъ воздымается хула на начальство.

3) Чрезмѣрная доблесть. Когда противопоставленіемъ излишне содѣянныхъ подвиговъ дѣйствія начальства тѣмъ самымъ осуждаются.

4) Излишнее умствованіе. Такъ именуется вообще пріобрѣтенная мудрость, которая напраснымъ блескомъ повреждаетъ почитаніе разума начальственнаго.

5) Тщетная старательность. Потому-что не всякое предписаніе должно быть въ точности исполняемо. Истинный гражданинъ самъ знаетъ, какія предписанія изданы для исполненія, какія нѣтъ. Иногда неисполненіе, проникнутое надлежащимъ усердіемъ, особенное удовольствіе властямъ доставить можетъ.

Какъ пишетъ графъ Меттернихъ: „Истинное отечестволюбіе требуетъ не токмо мудрости и доблести, но часто глупости и низости. Патріотъ, какъ показала и французская революція, никогда не долженъ быть лучше своего начальства. Изъ усердія дуракъ --сіе есть высшая доблесть“.

В. Какія изъ усердія проистекаютъ должности?

О. Три: моленіе, выслѣживаніе и славословіе.

В. Почему нужно моленіе?

О. Потому-что безъ моленія не бываетъ субсидіи.

В. Почему нужно выслѣживаніе?

О. Потому-что явныхъ преступниковъ сами власти предержавшія открываютъ. Но только истинный гражданинъ можетъ указать преступника будущаго, который и самъ еще, быть можетъ, о своемъ преступленіи не помышляетъ. Какъ сказано у Августина: „больше сей любви никто не имѣетъ, какъ ежели брата своего предасть казни и тѣмъ самымъ его отъ грядущаго злодѣянія остережетъ“.

В. Что есть славословіе?

О. Возношеніе души къ начальству въ непрестанной надеждѣ, что и впредь усердіе по достоинству награждаемо будетъ.

В. Почему нужно еще духовное убѣжденіе?

О. Потому-что безъ онаго немислимо угодное властямъ преобразование и претвореніе вещей.

В. Что есть духовное убѣжденіе?

О. Сіе можно пояснить примѣромъ. Когда царь Навуходоносоръ, бывъ превращенъ въ дикаго звѣря, повелѣлъ приближеннымъ своимъ не токмо въ себѣ звѣря не видѣть, но царя почитать, они повелѣнное въ дѣйствительности узрѣли. Тако бываетъ и съ истинными гражданами: въ смиреніи и усердіи своемъ они могутъ зрѣть, согласно приказанію, черное бѣлымъ, сущее не сущимъ, великое малымъ и обратно. Эта готовность мысленнаго міропреображенія и есть духовное убѣжденіе.

В. Существуютъ ли предѣлы духовнаго убѣжденія?

О. Сихъ предѣловъ не существуетъ. И если повелѣно будетъ почитать Милюкова за Трепова и Пуришкевича за Плеханова, а Государственную Думу за вредное сборище, то и сіе немедленно совершено будетъ. Какъ сказано у Рицинуса: „мужа зловоннаго яко благодареніе восприму и грязнаго смерда яко игемона, мѣсто-же отхожее возвеличу.“

В. Какіе плоды приноситъ духовное убѣжденіе?

О. Неизрѣченные. Ибо голоднаго оно убѣжденіе безъ пищи дѣлаетъ сытымъ, нищаго безъ денегъ богатымъ, глупаго безъ ума разумнымъ. Отъ сего столь великое блаженство наступить должно, о которомъ мы и вообразить себѣ не можемъ.

В. Распространяется ли духовно убѣжденіе и на внѣшній міръ?

О. Безъ сомнѣнія. Ибо пустыню можно при усердіи мыслить какъ рай земной, крысу—павлиномъ, а холодъ и дождь какъ благораствореніе воздуха. Какъ сказано: „Единымъ веленіемъ са трапа мужчина въ женщину преображается“.

В. Не нужно-ли еще чего-нибудь сверхъ указанныхъ добродѣтелей для спасенія отечества?

О. Отнюдь нѣтъ. Прочее отъ лукаваго. Надо всегда помнить, что въ истинномъ смыслѣ спасеніе отечества есть тайна, открытая вполнѣ лишь властямъ предержавшимъ. Граждане для сего лишь добротные сотрудники. Какъ пишетъ Деламаръ: „сотрудники всякіе бѣгаютъ, тайные и явные, платные и добротные, мушары и детективы. Но душа у всѣхъ азефова“.

Сообщилъ *М. Рейснеръ*.

Е.П.

Н. Струнке и М. Гейтманъ.

ЛАРИСА РЕЙСНЕРЪ.

Пѣсня красныхъ кровяныхъ шариковъ.

Мы принесли, кровеносныя пчелы,
Изъ потаенныхъ глубинъ
На розоватый просторъ альвеолы
Жаждущихъ соковъ рубинъ.

Вѣчно гонимый ударомъ предсердій,
Нашъ беззаботный народъ
Изъ океана вдыхаемой тверди
Солнечный пьетъ кислородъ.

Но какъ посоль, торопливый и стойкій,
Радости долгой лишень,
Мы убѣгаемъ на пурпурной тройкѣ
Алый надѣвъ капюшонъ.

Тамъ, гдѣ устали работать волокна,
Нашъ окрыленный прыжокъ
Бросить, какъ вѣтеръ въ открытыя окна,
Свой изступленный ожогъ!

М. ЛАРИНЪ.

Свинья.

Извиняюсь напередъ, сударь мой, за странность и даже нелѣпость моихъ разсуждений. Но по правдѣ и самъ разобратся не могу. Съ другой стороны и напуганъ немного. Такъ вотъ и стоить передо мной проклятый Ванька: выпучилъ глаза, пятчкомъ шевелятъ и смѣется, негодяй, хрюкаетъ!

Видите-ли, помню я его, когда онъ по моему твердому убѣжденію былъ самымъ настоящимъ поросенкомъ. Да, я это утверждаю положительнѣйшимъ образомъ. И хотя сейчасъ имѣется уже и подставная мамаша у нихъ, и какого-то нищаго въ дѣдушки произвели, но я, знаете-ли, помню совершенно отчетливо, какъ дѣло было.

Во-первыхъ, родился онъ не у Перепетуи-коровницы, которая, будто-бы, и сейчасъ жива, а у большой пестрой свиньи, Фроськи, и первымъ пріютомъ его была не лежанка у Перепетуи, а подстилка въ хлѣвѣ. Помилуйте, я самъ въ это время былъ у нихъ управляющимъ и его, подлеца, своими глазами видѣлъ: нѣжненькій, такой бѣленькій, и вродѣ трефоваго креста черное пятно на спинѣ. Знакъ-то этотъ ему великую службу сослужилъ. А хвостикъ крючкомъ.

Правда, скоро Ваньку въ хоромы взяли. Сна

чала рѣшили, было, откормить и зарѣзать. Но странный значекъ скотницу въ сомнѣніе ввелъ. Да и маленькому Петѣ поросеночекъ понравился: рѣзвый, ласковый, розовенькій, за нимъ какъ собаченка бѣгаетъ, визжитъ, радость бытія выказываетъ. Да и на младенчика похожъ.

Такъ и началась великая дружба между Петей и Ванькой, которая потомъ такъ плохо для Пети кончилась. Но опять таки, смѣю завѣрить, еще тогда и помыслить было нельзя, что этого боровка можно пріобщить къ роду человѣческому. Былъ онъ, смѣю утверждать согласно твердой памяти моей, свинья свиньей. И даже скверной, ибо пріучился на кухнѣ къ сырому мясу, а вслѣдствіе этого не разъ таскалъ цыплятъ у хохлатки, а однажды сожралъ и щеночка у конюха Василя.

Вотъ въ это время и произошло событіе на первый взглядъ пустяшное, но имѣвшее послѣдствія многозначительныя. Пріѣхалъ къ господамъ Мирмидоновымъ, у которыхъ проживалъ Ванька, знаменитый хирургъ Ларсенъ, прогремѣвшій, если помните, особыми своими операциями надъ животными, которыхъ онъ въ человѣческія подобія преобразовалъ. Ну-съ, вотъ и поступилъ нему Ванька

на мученіе. Что дѣлалъ онъ съ несчастной свиньей, не знаю. Но, говорятъ, результаты были удивительныя.

Послѣ операциі уѣхали Мирмидоновы съ Ванькой за границу на лѣтъ пятнадцать. И, по правдѣ, объ этомъ грязномъ и скверномъ животномъ я и думать пересталъ.

Новая встрѣча моя съ Ванькой произошла слѣдующимъ образомъ.

По возвращеніи изъ заграницы привезли Мирмидоновы съ собой нѣкоего молодого человѣка довольно странной наружности: кривыя короткія

что тутъ-же у меня какое-то сомнѣніе въ душу заползло. Харя мнѣ свинья должно-быть знакомой показалась. Такъ, кольнуло что-то.

Ну-съ, и скоро, знаете, Иванъ Петровичъ, такъ назвали сего субъекта, себя обнаружилъ. И перво на перво въ отношеніи женскаго пола. И поскольку скотина эта, извините меня за выраженіе, себя кроткимъ херувимомъ вела въ домъ господъ Мирмидоновыхъ,—хотя и тамъ, чортъ его знаетъ, что онъ по куткамъ продѣлывалъ—по стольку же въ деревнѣ былъ онъ истиннымъ бѣдствіемъ для дѣвушекъ и бабъ.

ножки, толстое брюхо, длинный носъ, знаете, что называютъ кувшинное рыло, короткія руки съ растопыренными пальцами. И манера удивительная: все больше молчитъ, похрюкиваетъ, мало двигается. А ходить съ трудомъ въ перевалку.

Представили мнѣ.—Это, говорятъ, сынокъ Перепетуи, скотницы, дескать, усыновили и воспитаніе за границей дали. Ну, что-же, сынокъ такъ сынокъ, мнѣ-то какое дѣло, здравствуйте, молъ, государь мой, очень радъ и прочее, Но не скрою,

А знаете-ли, чѣмъ бралъ мерзавецъ? Во-первыхъ, чисто скотской наглостью. Былъ, можно сказать, въ пакости своей невиненъ, какъ младенецъ, ибо совѣсти и стыда не имѣлъ вовсе, а слѣдовательно дѣйствовалъ съ откровенностью и прямою удивительной.

Во-вторыхъ, заинтересовывалъ. Ибо былъ такъ страненъ въ животности своей, столь мало похожъ на человѣка и обладалъ такимъ неистощимымъ любострастіемъ, что возбуждалъ любопытство болѣзненное и всепобѣждающее.

Наконецъ, и вы прямо удивитесь этому пункту, бралъ онъ комичностью своей. При ухаживаньи вель себя столь странно, становился на карачки, хрюкалъ, подпрыгивалъ на всѣхъ четырехъ, терся мордой о ноги, визжалъ, кувыркался, что въ концѣ концовъ безъ труда овладѣвалъ своей жертвой, обезиленной истерическимъ смѣхомъ, улы, затѣмъ, чтобы потомъ погрузить ее въ столь же отчаянныя слезы.

Единственно избѣгли его похоти тѣ женщины, у которыхъ онъ порождалъ какой-то необъяснимый, стихійный ужасъ. Къ нимъ, къ счастью, принадлежала и моя милая племянница, Настя, которая при видѣ этого свиного Донъ-Жуана, начинала прямо трястись отъ ненависти и страха. И, конечно, какъ разъ она привлекла на себя особенное вниманіе почтеннаго Ивана Петровича!

Что мы пережили тогда, и сказать не сумѣю. Съ одной стороны я не хотѣлъ ссориться съ Мирмидоновыми, отъ которыхъ зависѣла вся моя судьба, они-же ему покровительствовали выше всякой мѣры. Съ другой эта мистическая свинья вносила въ домъ нашъ истинную муку и смятеніе.

Вы не можете представить себѣ, что проклятый боровъ съ нами продѣлывалъ! Видите-ли, есть положенія, которыхъ нельзя допускать, иначе вы невольно снижаетесь и оказывааетесь у нихъ въ полномъ подчиненіи. Представьте себѣ, что вы были-бы принуждены жить вмѣстѣ съ отбросами человѣчества въ какомъ нибудь распутномъ и пьяномъ вертепѣ.

Вы вѣчно дышали-бы виннымъ угаромъ, шалѣли-бы отъ безстыдной разнузданности, опустились-бы въ грязи и салѣ. Ванька-боровъ производилъ на насъ такое-же впечатлѣніе. Мы невольно заражались какой-то мерзостью, въ чѣмъ-то вымазывались и чувствовали съ нимъ какую-то отвратительную, непреборимую близость. Только Настя моя боролась изо всѣхъ силъ, плакала, ругалась, неистовствовала и лишь долго спустя послѣ его визита приходила въ себя.

Кончилось тѣмъ, что однажды изъ лѣсу мнѣ привели, или вѣрнѣе принесли мою дѣвочку разтерзанной и окровавленной—это добрый Иванъ Петровичъ напалъ на ребенка въ лѣсу, когда она немного отошла отъ подругъ, и парнямъ еле удалось отбить Настю отъ разсвирѣвшей свиньи; мерзкій кабанъ, оставивъ всѣ человѣческіе приемы и разорвавъ въ клочки свое платье, работалъ прямо клыками и надѣлалъ много бѣды.

Этого я перенести не могъ. Бросилъ мѣсто у Мирмидоновыхъ, отослалъ Настю къ бабкѣ и подалъ жалобу въ судъ. Результаты были однако неожиданные. Такъ-какъ я прямо именовалъ свинью свиньей и попробовалъ раскрыть истину объ Иванѣ Петровичѣ, то меня засадили на испытаніе въ больницу для умалишенныхъ.

Когда я вышелъ оттуда, узналъ много новостей. Вдова Мирмидонова, оказывается, подарила свинѣ все свое состояніе, выгнала родного сына на улицу, и въ громадномъ имѣннѣи водворился хрюкастый помѣщикъ, устроившій себѣ настоящій гаремъ изъ дочерей безумной.

Я сталъ умнѣе. Рѣшивъ вести борьбу до конца,

я уже не подавалъ вида, что знаю Ванькинъ секретъ, и рѣшилъ изничтожить борова при первомъ удобномъ случаѣ.

А между тѣмъ у Мирмидоновыхъ творились дивныя дѣла. Появились у нихъ какіе то индусы и факиры, начались обширныя постройки какихъ-то со всѣхъ сторонъ закрытыхъ помѣщеній, пошли слухи не то о чудесахъ и волшебныхъ исцѣленіяхъ, не то о новой сектѣ, стремившейся во единомъ бракѣ сочетать людей и животныхъ.

Стали даже рассказывать о странныхъ истязаніяхъ, которыми, будто-бы, подвергали дѣвушекъ, попавшихъ къ нимъ въ лапы, причемъ не малую роль играло здѣсь особое служеніе звѣрю и очищеніе отъ грѣховъ при помощи смиреннаго зачатія отъ животныхъ какихъ-то ублюдковъ и чудовищъ.

То есть, если хотите, полный ассортиментъ среднебѣковаго безумія, воскресшаго съ непонятной силой среди современныхъ культурныхъ людей. И во главѣ всего этого непостижимымъ путемъ очеловѣченная скотина, грязная свинья, принесшая съ собой такое страшное униженіе образу Божьему на землѣ.

Извините, я можетъ быть, и дѣйствительно помѣшанъ. Возможно, что и въ дѣйствительности совсѣмъ и не было поросенка Ваньки. Но почему же я съ такой яркостью помню каждую страницу изъ этой страшной свинной біографіи, почему никто не опровергнетъ разъ на всегда всѣ эти слухи о растлѣнной Ванькиной дѣятельности, о томъ, какъ попираетъ скотина гордость и достоинство человѣка?

Я маленькое существо. Положительно можно сказать, пигмеемъ. Что я могу противъ кабана, хрюкающаго на мирмидоновскомъ добрѣ. Но, извините-ся, немогу молчать. И не потому, что моя бѣдная Настя такъ жестоко отъ подлой свиньи претерпѣла. Но, видите-ли, образъ Божій и я какъ человѣкъ ношу и въ этомъ великолѣпнѣйшему Алкивиаду равень.

И если надъ человѣкомъ поруганіе со стороны оперированной свиньи совершается, то не я одинъ кричу:—во мнѣ, сударь мой, всѣ предки человѣческіе кричатъ, всѣ тѣ, кто съ великимъ трудомъ, черезъ кровь и смерть, отъ звѣря до божества достигли, огонь избобрѣли, законъ установили, правду и совѣсть передъ собой факеломъ зажгли.

Не допущу, погибну, но не допущу! И если въ сумасшедшій домъ запрете, то и оттуда изъ-за этихъ мертвыхъ стѣнъ, изъ царства безумія голосъ мой услышите. Ибо, понимаете-ли вы, что человѣчество поругано. И должно возстать, свергнуть дьявола, къ солнцу и звѣздамъ длани простереть, Грядущему поклониться.

Ибо такъ, прочиталъ я, у одного юнаго поэта о Немъ, великомъ, и о насъ, ничтожныхъ сказано:

Тебя изъ сумрака небытія и смерти
Благословляемъ,
Привѣтъ тебѣ, привѣтъ, грядущій,
Мы погибаемъ.

М. Ларинъ.

С. Г.

СОФЬА ЗАРЪЧНАЯ.

ВЛАДИМИРЪ ЗЛОБИНЪ.

* *
*

Для юнаго любовника, подавляя горечь
ревности,
Ловко инсценирую съ женщиной другой
интригу.
Ахъ, Боже мой, со времянь глубокой
древности
Все это ужъ было записано кѣмъ-то въ лю-
бовную книгу.

Не глядя въ глаза невѣрному, съ сердцемъ
печалью оснѣженнымъ,
Дѣлю, покоренная ласками, опозоренное
ложе.
И шепчу съ покаянной страстностью, когда
засыпаетъ разнѣженный:
„Прости заблудшихъ дѣтей Твоихъ, прости
насъ обоихъ, Боже!“

А уходитъ — снова отчаянье. Думаю, Боже,
въ умѣ-ли я!
Въ ужасѣ смотрятъ изъ зеркала искажен-
ныя черты...
И въ сердцѣ обезумѣвшемъ безумная Офелія
Съ хохотомъ топчетъ послѣдніе, — послѣдніе
цвѣты...

Венеція.

Сонетъ.

Посвящается Л. Р.

Любовница случайныхъ королей,
Аркадами дрожавшая надъ ними,
Рожденная Лукавымъ и Святыми
И вскормленная грудью кораблей-

Сегодня я по прихоти твоей
Былъ Тассо, Тиціаномъ и другими,
Пока усталый день, приблизясь къ
схимѣ,
Не сбросилъ въ воду зарево кудрей.

Теперь сквозь ночь безцѣльна и по-
нятна
Рѣзьба колоннъ, похожая на пятна,
И надъ дверями ласка львиныхъ лапъ;

Какъ будто мѣръ въ тончайшихъ ни-
тяхъ хмеля!
И рыцари широкополыхъ шляпъ
Идутъ въ альковъ къ Мадоннамъ
Рафаэля.

С. Грузенбергъ.

Диспутъ г. Крусмана въ Петроградскомъ Университетѣ. (Слѣва на право: гг. Крусманъ, Тарле, Э. Гриммъ, Н. И. Карѣевъ, г-жа Добіашъ-Рождественская).

И. СМІРНОВЪ.

О выѣденномъ яйцѣ или одинъ изъ многихъ.

(По поводу диспута г. Крусмана въ Петроградскомъ Университетѣ).

Молодой человѣкъ зналъ за собой великое достоинство: онъ былъ трудолюбивъ. Когда еще въ гимназіи ему задавали выучить одну страницу, онъ обязательно выучивалъ двѣ. Когда надо было переписать пять строкъ, онъ рѣшительно переписывалъ десять и этимъ весьма радовалъ учителя чиstopисанія.

Другой его добродѣтелью была любовь къ никому и ни на что ненужнымъ вещамъ. Поэтому онъ никогда не былъ замѣченъ въ куреніи, или чтеніи запретныхъ книгъ. Но за то у него хранились съ измальства прекрасныя коллекціи старыхъ пуговицъ, ржавыхъ гвоздей и газетныхъ вырѣзокъ о пилуляхъ „Ара“.

Когда онъ выросъ, передъ нимъ всталъ роковой вопросъ: чѣмъ быть. Онъ рѣшилъ стать ученымъ. Это позволяло ему остаться трудолюбивымъ и собирать старыя вещи. И онъ сдѣлался историкомъ.

Добрые наставники научили его, какъ лучше сдѣлать ученую карьеру. Для этого надо во-первыхъ сдать экзамень. Благодаря трудолюбію ихъ было сдано сто семьдесятъ восемь и всѣ съ отличіемъ. Но

надо было еще написать и защитить диссертацию.

Но и здѣсь мудрые люди пришли на помощь академическому птенцу и рассказали ему, что такое диссертация.

Это такая книга, которая вѣситъ семь пудовъ, написана о ненужныхъ вещахъ и на каждой страницѣ имѣетъ сотни примѣчаній, показывающихъ изъ какихъ щелей, старыхъ заброшенныхъ ямъ и мусорныхъ кучъ выбралъ авторъ свое крохотное свѣдѣніе о пустопорожнемъ предметѣ.

Самая лучшая тема—это какая нибудь общепризнанная истина; самые лучшіе источники, которыхъ никто и не знаетъ и знать не хочетъ.

И молодой ученый выбралъ тему—онъ написалъ 70833 страницы съ 100361 примѣчаній о скорлупѣ выѣденнаго яйца, найденнаго въ 33-мъ вѣкѣ до Рождества Христова въ раскопкахъ задняго двора неизвѣстнаго человѣка.

Диссертация вышла на славу. И настолько распалился диссертантъ, что даже полемизировалъ съ другими учеными, которые утверждали, что въ 33-мъ вѣкѣ до Р. Х. было дождливое лѣто.

На публичномъ диспутѣ ученая коллегія съ од-

ной стороны отмѣтила полную безмысленность и безцѣльность диссертациі о выѣденномъ яйцѣ, но съ другой стороны признала прямо невѣроятную ученость почтеннаго магистранта.

Въ результатѣ юный историкъ былъ увѣнчанъ ученою степенью и получилъ право стать российскимъ профессоромъ.

Рецензентъ „Рудина“ не можетъ не выразить пожеланія, чтобы побольше было такихъ ученыхъ

на Руси. Благодаря имъ пышнымъ цвѣтомъ расцвѣтетъ наука о выѣденномъ яйцѣ и восторжествуетъ безмыслица, украшенная трудолюбіемъ.

При такихъ ученыхъ не приходится бояться ни излишняго суетумудрія ни вольнодумства.

Отъ науки можно будетъ перейти къ мирному дѣлу выращиванія паровыхъ цыплятъ.

Что, впрочемъ, и требуется.

И. Смирновъ.

Е. НИМАНДЪ.

Русскій Дикарь.

„Законъ Дикаря“—такъ называлъ г. Арцыбашевъ свою новую пьесу, съ большимъ успѣхомъ идущую въ театрѣ Яворской.

Фабула проста и коротка, проста, какъ сама жизнь. Ей чужда строгая архитектура трагедіи, поэты и художники не найдутъ въ этой пьесѣ ни новыхъ оттѣнковъ, ни живыхъ и богатыхъ словъ. Съ точки зрѣнія театральнаго искусства—„Законъ Дикаря“ глубокая ошибка: *въ ней нѣтъ ни одного слова лжи*. Это—безупречная фотографія, снятая съ „приличныхъ“ и „всѣми уважаемыхъ“ людей, не подозрѣвавшихъ въ своей комфортабельно отдѣланной спальнѣ о присутствіи посторонняго наблюдателя.

Съ этой точки зрѣнія пьеса г. Арцыбашева пріобрѣтаетъ значеніе и цѣнность человѣческаго документа, безпристрастнаго свидѣтельскаго показанія, почти улики.

Передъ нами, не искусственныя, отвлеченныя лица—но сама Пошлость, и при томъ у себя дома. въ пеньюарѣ и шелковомъ бѣльѣ, съ дорогой и тонкой сигарой въ зубахъ.

Пошлость создаетъ семью, сытую, хорошую семью, питаетъ ее адвокатскими гонорарами, искренне вѣритъ въ чистоту законной жены и ея полную неприступность.

Но, Боже мой, семейная любовь горитъ тихимъ и ровнымъ пламенемъ, а плотному, чудесно откормленному тѣлу нужно острое и волнуемое разнообразіе. Пошлость развлекается, лжетъ и прелюбопытствуетъ, и румянецъ тайнаго опасенія прячетъ въ кружевахъ молоденькой любовницы.

И горе тому единственно-чистому, преданному и молодому, кто въ лицѣ поручика Краузе, врывается въ неописуемую грязь буржуазной семьи.

Молодая женщина, Соня, оскорбленная мужемъ и сестрой, пользуется влюбленнымъ мальчикомъ, какъ орудіемъ мести. Самка отдается и измѣняетъ, и на постели любовника пріобщается уродливой и ревнивой Пошлости.

„Законъ Дикаря“, не знающій милосердія и че-

ловѣчности, произносить, наконецъ, свой послѣдній приговоръ.

На дуэли Дикарь совершаетъ убійство, съ немощной наглостью оставляя друзьямъ и секундантамъ тѣло подстрѣленнаго соперника. И ни минуты колебанія и стыда, звѣриное самообладаніе тѣшится своей собственной этикой и моралью.

Надо отдать должное г. Арцыбашеву, онъ довелъ до конца свою задачу и показалъ обществу его собственное лицо, не украшенное карандашомъ грима, поэтической пудрой и эстетическими румянами, Дикарь вышелъ большой и скверный, именно такой, какимъ его знаетъ Невскій послѣ 10 часовъ вечера и Гостиный Дворъ за всѣми своими золотосносными прилавками.

Появленіе „Дикаря“ на нашей литературной и общественной сценѣ показалось, конечно, несвоевременнымъ, почти неправдоподобнымъ.

Мы давно и основательно забыли Санина и Лилитъ, мародера любви и мечтательную содержанку вчерашняго дня. Косынка сестры милосердія и мундиръ защитнаго цвѣта обѣщали обновленіе моральной среды.

Въ хорѣ единодушной публицистики и литературы, укрывающей новообращеннаго буржуа зеленой шляпой бой-скоута и почетными значками всевозможныхъ благотворительныхъ сборовъ, беззаботно-оскаленная физиономія арцыбашевскаго „Дикаря“ произвела скандальное, и чрезвычайно неблагоприятное впечатленіе.

Общество, избалованное художественной лестью Сологуба и Андреева, особенно остро ощутило неожиданную пощечину. Критика за нее примѣрно „наказала“ злополучнаго автора.

Но только будущее Россіи дѣйствительно рѣшитъ, кто правъ, и кто виноватъ: художникъ ли, за новыми личинами увидѣвшій стараго Дикаря, или общество, ошिकाвшее пасквилянта и клеветника.

Е. Нимандъ.

А. П. ТОПИКОВА.

Библиографія.

Владиміръ Бурцевъ и его „Былое“.